

Мы для янки не больше чем шлак и дрянь.
Кому легко сбрызнуть стекляшки и всякую
рвань.

Или:

А гнусный Юг расправляется
с поколеньем,
Разрешая проблемы собаками, кострами,
избиеньем.

Приблизительно такое же впечатление производят и некоторые другие стихотворения: «Как мы хотели...», «В прошлые времена было хуже...» (перев. М. Замаховской), «Генерал в своем Пентагоне» (перев. Н. Горской).

Все это не мелочи. Но тем не менее встреча с «Новыми стихами» Гильена состоялась. И мы верим, что еще не раз прочтем и запоем яркие, талантливые переводы будущих новых стихов Гильена. Наши читатели ждут таких переводов!

К. АЗАДОВСКИЙ

РОМАНЫ АНДРЕ МОРУА

Андре Моруа. Превратности любви. Семейный круг. Перевод с французского Е. А. Гунста. Редактор Н. Хуцишвили. Вступительная статья Л. Зониной. Москва, «Художественная литература», 1966. 460 стр.

Для творчества Андре Моруа характерны глубокая культура и привлекательная разносторонность. Его произведения многообразны и по материалу и по жанрам. А. Моруа известен как автор романизированных биографий политических деятелей и писателей (например, Дизраэли, Тургенева, Гюго); его книга «Три Дюма» полюбилась читателям, как и биография ученого Флеминга. Не так давно в Париже вышла интересная и насыщенная конкретным материалом книга «Прометей, или Жизнь Бальзака».

До тонкости зная «Человеческую комедию», будучи знаком с бесчисленными изысканиями бальзаковедов, А. Моруа написал биографию и вместе с тем работу литературоведческого характера. С ее страниц встает образ писателя, воображение которого всегда опиралось на реальность, который «прочно стоял на земле», убежденный, что «отдаление от природы» разрушительно для искусства. «Бальзак хотел быть секретарем общества, а я — только секретарь Бальзака», — говорит А. Моруа, проследившая, как создавалась «Человеческая комедия» — «история внутри Истории». Природа, говорит он, предлагает художнику элементы, художник ими располагает. Так была создана Бальзаком картина эпохи, подчиненной власти денег. Осуществилась гордая мечта писателя: «В моей голове поместится все общество целиком». Бальзак, перевоплощаясь, «был по очереди святым, каторжником, честным судьей, продажным

судьей, министром, денди, куртизанкой, героиней и всегда — гением».

Роман-биография — жанр опасный. Его легко использовать для того, чтобы снять успех у мещанина, дав ему возможность с удовлетворением сказать своей супруге: «Эти великие ничуть не лучше нас!» Книжки А. Моруа внушают читателю уважение к искателям и создателям, они богаты фактами и познавательны ценны.

Андре Моруа также выступал в качестве историка (как автор истории Соединенных Штатов Америки, составившей вместе с историей Советского Союза, написанной Арагоном, издание, озаглавленное «Параллельная история СССР и США»). Ему принадлежит много эссе и литературно-критических этюдов. Он превосходно знает литературу и с удовольствием делится своими мыслями о Вольтере и Гоголе, о Руссо и Франсе, о Льве Толстом и Прусте.

Особенности творческого облика А. Моруа (они верно охарактеризованы в предисловии Л. Зониной к «Превратностям любви» и «Семейному кругу», с большим знанием переведенному Е. А. Гунстом) сказались и на его художественных произведениях. Когда читаешь романы А. Моруа, все время видишь: его творчество питают классические традиции, литература даже участвует в содержании этих произведений. Имена Тургенева, Чехова, героев Стендаля, названия романов («Доминик» Фромантена, «Жан Баруа» Роже Мартен дю Гара — своеобразные ключи к характерам героев романов А. Моруа «Превратности любви» и «Семейный круг».

В годы, когда были написаны эти романы (на рубеже двадцатых и тридцатых годов), вершиной французской прозы признавали утонченный психологизм Пруста, очень известен был Жан Жироду. Пристальное внимание к рождению ревности из любви в романах А. Моруа заставляет вспомнить о разработке этой темы у Пруста; подчас замечаешь у А. Моруа «светскую» элегантность стиля, перекликающуюся с нарядной изысканностью импрессионизма Жироду. И вдруг ощущаешь в «Превратностях любви» веяние поэзии «Вешних вод» Тургенева. И ближе всего этот роман «Доминику» Фромантена.

Нравы «светского» общества, любовь, семья, удел буржуазной женщины — содержание романов «Превратности любви» и «Семейный круг», объединенных однотипностью основных мотивов (недостижимость счастья, неудовлетворенность жизнью). В центре обоих романов — образы женщин. А. Моруа по-своему разрабатывает старую, но еще не устаревшую тему «Кукольного дома» Ибсена. В среде, которую он изображает, для женщин «рамки реальной жизни

* Статья об этой книге была опубликована в «Иностранной литературе» № 4 за 1964 г.

так тесны, что им всегда хочется выскочить из них». Существование женщины монотонно, скучно, ей трудно найти свой собственный увлекательный путь в жизни. Она лишь «может жить жизнью всех мужчин, которых... любит...» В этом уделе буржуазной женщины А. Моруа ничего увлекательного не обнаруживает.

В основе сложных характеров Одилии («Превратности любви») и Денизы («Семейный круг») — противоречие между потребностью во встрече с неизведанным, с опасностями, желанием испытать свои силы и беспомощностью, невозможностью по-настоящему удовлетворить эту потребность. И Одилия и Дениза женственны, одухотворенны, честны и благородны по натуре, но фатально оказываются на пути, чуждом их природе и ломающем ее.

«Превратности любви» — роман в письмах. Эта форма помогает раскрыть внутренний мир персонажей, но делает произведение узкоинтимным. Роман «Семейный круг» менее камерный, чем «Превратности любви», более связанный с изображением эпохи, — как бы реплика на уже изданные ранее части «Очарованной души» Ромена Роллана. Таких, как Аннета Ривьер, немного; у большинства, говорит А. Моруа, благие порывы недолговечны и сменяются прозой нравов, пропитанных ложью; со времен Балзака и Флобера эти нравы изменились только в том отношении, что усовершенствовалось умение жить, обманывая друг друга.

Дениза с малолетства видела, что ее красивая мать хладнокровно изменяла доброду и слабому отцу. Это искалечило детство и юность Денизы. Характер девушки закаляет сила ненависти, и, когда отец умирает, она, став перед дверью, не пускает мать проститься с ним. Сцена, достойная автора «Госпожи Бовари!» Проходят годы, и Дениза против своей воли, обвиняя себя, начинает поступать подобно своей матери. Потом постепенно привыкает.

В подтексте неизменен грустный лейтмотив: увы, иначе быть не может. Такое представление о неподвижности жизни отражено и в композиции обоих романов А. Моруа, в которой финал лишь немного варьирует начало и которая образует кольцо. А из замкнутого круга, как известно, выхода нет. Все же эти мотивы А. Моруа разработал с явным презрением к условиям, которые созданы господством буржуазии.

А. Моруа говорит: «Разумеется, Мопассан — не Толстой, но надо сопоставлять сопоставимое». Читая романы А. Моруа, подчас хочется сказать: уже написан «Вертер», уже созданы шедевры интимно-психологического романа. Но с романом Мопассана «Сильна, как смерть» произведения Моруа, переведенные ныне на русский язык, сопоставить можно. И современного читателя они, может быть, заинтересуют более, чем «Сильна, как смерть». А это совсем не мало!

Н. МИЛОВИДОВА

ТО ЛИ ФАНТАЗИЯ, ТО ЛИ НЕТ

Пер Валё. Гибель 31 отдела. Перевод со шведского С. Фридлянд. Москва, «Молодая гвардия», 1966. 159 стр.

А большую эту книжку, что называется, проглатываешь — она написана по законам детектива, более того, с отменным знанием требований и возможностей детективного жанра. Впрочем, уже с первых страниц становится очевидным, что приключения усталого и страдающего несварением желудка (как же без оживляющей детали!) комиссара полиции в поисках таинственного автора анонимного письма — повод для размышлений о куда более значительных материях, нежели случай из уголовной практики.

Если оставить в покое детективную оболочку и определить жанр книги по существу, то обнаружится ее явное сродство с социальной фантастикой, с произведениями Брэдли и Абэ. С одной лишь оговоркой — Пер Валё решительно отказывается от воссоздания материальных, вещных контуров грядущего, и действие движет не фантастической, то есть нереальной при нынешнем уровне техники ситуация, но ситуация, устрашающая именно своей прозаической реальностью, мотивированная достоверными фактами, которые сегодня, быть может, еще и редкостны и смутны, но имеют несомненную тенденцию к злокачественному росту.

Очевидно, в рецензии на эту книгу предпочтительнее всего будет избрать самый бесхитростный путь: сопоставить содержание мрачной утопии с некоторыми аспектами сегодняшнего бытия благополучной, демократической, преуспевающей Швеции.

Конечно, Швеция ...года в книге Пера Валё не выдержит пунктуального наложения на доподлинную, нынешнюю Швецию.

